

стности на то, что в германском некоторые названия таких понятий, как 'зима', 'север', как будто, небезуспешно сопоставляются со словами, имеющими значение 'левый'⁵³. Отметим также, что, будучи расположена на левом боку, селезенка иногда мыслится как бы в оппозиции или связи с находящейся справа от нее печенью⁵⁴ (ср. *Plin., Hist. nat.* 11. 80. 1: ... *adnectitur lien in sinistra parte adversus iecur...*, а также, например, *Arist. De part. animal.* 670a; 669b: *ὄρθον... ἥπαρ ὁ σπλήν* 'селезенка... это побочная печень'), и при этом с селезенкой (как и вообще с левизной) связывается холод, а также (косвенно) слабость, болезненность и др., а с печенью жар, крепость и проч., см. об этом, например, рассуждения Аристотеля (*Op. cit.* 670b), а также Макробия (*Saturnalia* 7. 4. 20—21) (... *iecur caloris, lien frigoris domicilium est*)⁵⁵, ср., может быть, и слав. *sblezena: *pečenъ (ср. *pekti).

Вяч. Вс. Иванов

ХУРРИТСКИЕ И ХАТТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

1. Хурр. *p/wandi* 'правый': *šarḫali* 'левый'. Хурр. *p/wandi*, *p/wanda-n(n)i* 'правый'¹ (форма с суффицированным артиклем *-ni*) родственно урарт. *anda-ni*² и ахвах. *гъанцIулIлI*, чамал. *гъансI-cluclclалIлI*, багул. *гъаншIел*, андийск. *гъанчIулIл*, лакск. *урчIа-*, лезг. *ерчIи*, табас. *арчул*, агул. *гIулджан-*, рутул. *гъарчъ-д* 'пра-

и.-е. **spļgʰen-* в какой-то мере любопытны представленные в германских языках наименования левой руки по принципу 'ползущая', ср. др.-в.-нем. *slinc*, ср.-голл. *slynker* (в глоссах *lyncker-hant, slyncker-hant* 'sinistra'): др.-англ. *slincan* 'creep, crawl', англ. *slink* 'sneak, crawl away' и др., см.: *Hoops J.* «Right» and «Left» in the Germanic Languages. — *Études germaniques*, 1950, N 2—3, p. 91.

⁵³ Библиографические указания см. отчасти: *Топороў В. N. L'* «albero universale». — In: *Ricerche semiotiche. Nuove tendenze delle scienze umane nell'URSS*. Torino, 1973, с. 182—183; см. еще: *Metzger F.* Got. *wintrus* 'Winter, Jahr' und aisl. *vinstri* 'links'. — *KZ*, 1960, Bd. 76, 3/4 Heft. S. 306—307 (ср., впрочем: *Mathiasen T.* Könnten slav. *węd 'welken' und germ. **wint-* in «Winter» etymologisch zusammengesöhren? — *NTS*, 1968, 22, S. 91—98). Ср. с этим болг. диал. названия селезенки *зимъ*, *зимъ* при рум. диал. *iarnă* 'селезенка свињи', связанные как раз с упомянутыми выше гаданиями, см. специально: *Младенов М. Сл.* в болгарската диалектна лексика. — БУ, 1974, год. 24, кн. 2, с. 185—186. На эту работу внимание автора обратил О. Н. Трубачев.

⁵⁴ Ср. споразическую оппозицию в «Ригведе»: *sridh-* (<**slidh-* 'скользить', см. *Грипе*) — *daks-* (RV. 7. 32. 9, а также, косвенно, 1. 89. 3), где *daks-* < **dak's-* 'правый', ср. лат. *dexter*. См.: *Renou L.* *Études sur le vocabulaire du RV*. Pondichéry, 1958, p. 31—32.

⁵⁵ Ср. еще отчасти *Анулей*, *Apologia* 51.

¹ *Laroche E.* *Glossaire de la langue hurrite*. Deuxième partie. — RHA, 1977.

² *Salvini M.* Einige neue urartäisch-hurritische Wortgleichungen II — *Orientalia*, 1970, Nova Series, v. 39, fasc. 3, S. 409.

вый', арчин. *oIрчIу-шш* 'направо', удин. *ача*, чечен. *аьтту*³ из о.-вост.-кавк. *(?) *VnʒʒV*- (здесь и далее общевосточнокавказские реконструкции даются согласно С. А. Старостину, которому автор приносит благодарность за ознакомление с результатами его работы). Начальное *w*- в *w-anda-ni*, если оно не объясняется фонетически, можно сравнить со структурно схожим префиксом в убых. *wa-ʒq'o:nə* 'справа': *ʒq'a* 'правый'. Значительно более сложную проблему представляет хурр. *šaphali* 'левый', представленное в нескольких формах, часть которых можно считать результатом позднейшего уподобления *p/wandi*, с которым оно часто соотносится в текстах: *šaphal-di*, *šaphadi*, также *šawulda*⁴. Урарт. *šalmathi* 'левый', сооставляемое с хурритским словом⁵, скорее напоминает последние его (уже преобразованные) формы и в то же время не несет следы уподобления семитским формам типа аккад. *šumēlu* 'левый', ср. сокотри *sʰimhal* 'левый' и другие семитские прилагательные⁶, по фонемному составу близкие к хурр. *šaphali*. Но для последнего слова обнаруживаются весьма примечательные параллели в лув. *ipala/i-* 'левый' (ср. *ipal-ati* 'левизна')⁷. Как показывает сравнение с тох. А *šālyi* 'левый', *šālyās* 'слева', В *šwālyai* 'слева'⁸ (при тох. А *pāci*, В *āpat* 'справа', быть может, сопоставимом с хурр. *pand-*), лув. *ipala/i-* утратило в начале и.-е. *ǵ^h согласно общему правилу, действовавшему в лувийском⁹. Иначе говоря, лувийское и тохарские слова восходят к общей форме типа *ǵ^h(ē)ǰ^h-ǰ/ǰl-/*ǵ^h(ē)ǰ^h-ē/ǰl- с развитием *-bh->*-p->*-w- и упрощением начальной группы в тохарском. Хурр. *šaphal-i*, evidentemente, является древним заимствованием из того же индоевропейского источника, но испытавшего спирантизацию *ǵ^h по типу языков *satəm*; вокализм говорил бы в пользу языка типа индоиранского; если маньч. *žebele* 'правый'¹⁰ связано (при полярном

³ Бокарев Е. А. Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка (опыт реконструкции). — ВЯ, 1958, № 4, с. 8; *Он же*. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1966, с. 73; *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 108.

⁴ Laroche E. Glossaire. . . , 2, p. 214.

⁵ Salvini M. Op. cit., S. 409—411.

⁶ Brockelmann C. Semitische Reimwortbildungen. — Paideuma, 1967.

⁷ Laroche E. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, p. 51—52; Meriggi P. Schizzo grammaticale dell anatolico (Atti della Accademia Nazionale dei lincei, Serie VIII, v. XXIV, f. 3, Anno CCCLXXVII), 1980, Roma, p. 292, § 55. — Ср. также хетт. GUB-*la* 'левый', где в качестве фонетического компонента после идеограммы представлен сходный суффикс.

⁸ Соп В. Indogermanica minora. I. Sur les langues analoliennes (Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede, Razprave, VII), ср. рецензию на эту книгу: Иванов В. В. — ИАН СССР, Сер. лит. и яз., 1974, т. XXXIII, 2, с. 172.

⁹ Ivanov V. V. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian. — Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław, 1965, p. 131—134.

¹⁰ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 1. Л., 1975, с. 280.

изменении значения) с той же основой, то речь идет об очень широко распространенном миграционном термине. Следует отметить, что в северо-кавказских языках родственные слова со значением 'левый' пока не обнаружены. Замена слова с этим значением иноязычным заимствованием — явление, типологически достаточно часто встречающееся (ср. заимствование баскского слова в иберо-романские языки¹¹ и т. п.).

2. Хурр. *ti/ella* 'бык'. Установление значения 'бык' для хурр. *tilla* (в частности, по отношению к двум быкам Бога Грозы Тешшуба, хетт. *ti-el-la* с детерминативом GUD 'бык', ср. также название горы *še-e-nu-ti-el-la* 'два быка'¹²) имеет значительный интерес для исследования миграционных названий домашних животных. Представляется вероятным, что с тем же термином соотносится слово, общее для славянского (о.-слав. **tele*¹³, основа на *-t-*, др.-рус. *теля* 'теленос', укр. *теля*, польск. *ciele*, чеш. *tele*, с.-хорв. *тѣле*, болг. *телѣ* и т. п.) и балтийского (лит. *tēlias*, лтш. *telš*, *telens*, прус. *klente* 'бык'¹⁴ с характерным для прусского развитием **tl- > kl-*, ср. *clōcis* [klokis] 'медведь': лит. *lokys*, лтш. *lācis* при архаическом западно-балтийском топониме *Tlokun-pelk* 'медвежье болото'¹⁵). Суффиксация объединяет прус. *klente* < **tlent-* с о.-слав. **tel-ϕ(t)-*; при этом представляется вероятным, что суффикс **-ent-* до включения в семантическое поле обозначений детенышей животных первоначально мог сохранять то архаическое значение показателя деятеля, которое достаточно явно свидетельствуется германскими фактами (ср. *-nd-* < **-nt-* как суффикс деятеля) и на основании анатолийских и других данных возводится к общеиндоевропейскому (активное причастие на **-nt-*, анатолийские активные именные формы на *-nt-*).

3. Хурр. *šawali* 'год'. Хурр. *šawali* 'год' (соответствует шумер. MU. КАМ 'год' в словаре из Рас Шамры), им. п. мн. ч. *šawalla*, род. п. *šawallaši*, дат. п. *šawallaše*¹⁶, представляет собой точное соответствие этр. *avil* 'год', лемнос. *avis* 'год' при допущении соответствия хурр. *š:* этр. *θ*, подтверждаемого (не для начальной, как в первом случае, а для интервокальной позиции)

¹¹ Ср.: Malkiel Y. Semantic universals, lexical polarization, taboo, The Romance domain of «left» and «right» revisited. — Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65-th birthday. Amsterdam, 1979.

¹² Haas V., Thiel H. J. Ein Beitrag zum Hurritischen Wörterbuch. — Ugarit-Forschungen, Bd. 11, Neukirchen — Vluyn, 1979, S. 346.

¹³ Трубачев О. Н. Славянские названия домашних животных. М. 1960, с. 44. — Другую версию о слав. **tele* < **tel-el-* от названия года см.: Machek², с. 638 — Прим. ред.

¹⁴ Erdzelins J. Senprūšu valoda, Rīgā, 1943, с. 195; *Idem*. Darbu izlase, II, 2 daļa, Rīgā, 1980, с. 149.

¹⁵ Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. I. Vilnius, 1980, с. 146, § 214. — Именование этого же типа характерно для лехитского и северо-западно-великорусского, что могло бы объясняться и балтийским субстратом или ранними контактами с балтийскими диалектами этого ареала. Предположение о заимствовании прусского слова из славянского исключается по семантическим и фонетическим причинам.

¹⁶ Laroche E. Glossaire, . . . 2, с. 62.

и в случае хурр. *ašte/i*¹⁷: этр. *puia* 'жена', для которого, кроме соответствий в нахском (ингуш. *исти* 'женщины', собират., бацб. *пстIин*)¹⁸; обнаруживается соответствие в хатт. *zziwa-* 'жена', кабард. *фыз*, адыгейск. *иъвы(зы)*, убых. *с°э-*, тогда как для первого слова, кроме нахских¹⁹ (чечен., бацб. *шо*) и дагестанских²⁰ параллелей (цахур. *сен*, арчин. *сан*, удин. *усен*), позволивших восстановить о.-вост.-кавк. **s(ū)nV* 'год', можно указать убых. *с°а* 'год' и производное *г°а.с.с°ала* 'третий год', двумя годами позднее²¹, где *-с°ала* прямо соотносимо с хурр. *šawal-*: этр. *avil*. Предполагаемое этими соответствиями хуррито-этрусское языковое родство подкрепляется и рядом других сближений; хурр. *ki-g* 'три': этр. *ci* 'три' (по финикийско-этрусской билингве) при бацб. *кхо*, чечен., ингуш. *кхоъ*²², о.-вост.-кавк. *kelb* 'три', убых. *ša* (<*k-²³) и т. п.; хурр. *-ahhi* в производных от названий мест типа *lul-ahhi* (с вероятным широким кругом северо-кавказских соответствий, обсуждавшимся еще Трубецким); этр. *-ax* в аналогичных производных типа *Rum-ax*. Некоторые из наиболее очевидных грамматических сопоставлений объединяют между собой этрусский и северо-западнокавказские языки. Это относится, в частности, к именной классификации. Собирательный суффикс мн. ч. *-xva* в этр. *puim-xva* 'звезды' (в финикийско-этрусской билингве), *fler-xva* 'плоды' выполняет ту же функцию, что и соответствующий ему суффикс класса вещей абхаз. *-қа* в *ашықус-қа* 'годы', *хута-қа* 'доли', *ашыыр-қа* 'плоды' и т. п.

4. Хурр. *dagi* 'красивый'. Очевидная параллель к хурр. *dagi* 'красивый' обнаруживается в адыгейск., кабард. *дахэ* 'красивый'; ср. адыгейск. Цумнэ Iэрамэхэр *дахэх* 'Гроздь клубники красивы'; хурр. *inu-me ušhuni šihala hišma tagi-ma kiraši-ma* 'как серебро чисто, блестяще, красиво и прочно'²⁴, KUB XXIX 8 IV 27. Представляется возможным сопоставить и соответствующие имена женских персонажей: хурр. *da-a-ki* 'Прекрасная' (атрибут богини Хебат), адыгейск. *Дахэ* 'Красавица' (женское имя).

5. Хатт. *-zir-* 'маленький, младший'. Несмотря на то, что (или вернее благодаря тому, что) билингва KUB XXVIII 6 с самого начала изучения хаттского языка была использована Э. Форрером, из нее до сих пор не извлечены некоторые наиболее очевидные

¹⁷ Laroche E. Glossaire de la langue hurrite. Première partie. (A—L). — РНА, 1976, т. XXXIV.

¹⁸ Дьяконов И. М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки. — Древний Восток, 3. Бриван, 1978, с. 31.

¹⁹ Там же, с. 33.

²⁰ Гигинейшвили В. К. Указ. соч., с. 135; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1974, с. 182—183.

²¹ Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh (Travaux et mémoires de l'Institut d'ethnologie, LXXI). Paris, 1965, p. 242.

²² Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 32.

²³ Старостин С. А. Реконструкция праабхазо-адыгской системы согласных. — Конференция Проблемы реконструкции. М., 1978, с. 99.

²⁴ Laroche E. Glossaire... 2, p. 249.

слова, проясняющие и этимологические связи хаттской лексики. Во времена Форрера знания хеттского словаря были недостаточны, оттого и некоторые хаттские слова остались непереуведенными. В частности, в строках I 15a-15b, 16a-16b до настоящего времени не было выявлено соответствие хатт. *pa-zi-ip-tu a-li-nu-en*, хетт. *am-mi-an-za-ma-kán DUMU-aš* 'маленький же сын' (в хатт. *al-inu-en* выделяется притяжательное *l-* 'его', предшествующее *inu* 'сын'), хатт. *zi-pi-iš zi-pi-nu*, хетт. *am-mi-an-za DUMU-aš* 'маленький сын' (в хаттском словосложении *zip-inu* 'маленький сын' *inu* предшествует основа *zip-* 'маленький'), к форме *inu* 'сын', ср. трижды повторяющееся в той же билингве (Vs. 20a-b, Rs. Ia-b, 3a-b) соответствие хатт. ^DWú₄-gu-kat-ta-i-nu, хетт. DUMU-aš ^Dza-ba₄-ba₄-aš 'сын бога Забаба' (хатт. 'царь страны', имя Забаба известно в III тыс. до н. э. в культурном ареале Эблы). Наиболее близкую параллель представляет убых. *с'а:р'q'а* 'молодой', ср. *сасá*, *с'асš* с тем же значением, адыгейск. *цыкыу*, абхаз. *ауцубы* при сложении *аңа-еуцубы* 'младший сын'; менее ясны возможности сравнения с восточно-кавказскими терминами типа арчин. *ч'елн* 'люлька', *ч'елна ло* 'младенец' (ср. к семантике убых. *с'а:ра* 'люлька').

6. Хатт. *zuḥ-* 'одежда'. В той же хаттско-хеттской билингве KUB XXVIII 6 I 12a-b-13a-b удается выявить следующую последовательность, точно совпадающую в обеих версиях: хатт. *wa₄-aḥ-ku-un wú₄-gu-še-mu ta-az-zi-ya-aḥ-du ta-zu-u-ḥa-aš-ti*, хетт. URUTÚL-na-aš ^DUTU-[u]š nu [ᵀm]i-iš-ri-[wa-an...] TÚG-ZU še-ir ka-a-ri-aš?-ḥ[a-aš] 'Солнечная богиня города Арины сверху покрыта своей блестящей одеждой'. Как и в предыдущем случае, понимание текста становится возможным благодаря выяснению значений хеттских слов, первым исследователям билингвы неизвестных. Хетт. *mišriwant-* 'блестящий' точно соответствует корню *yaḥ-* 'блеск', известному из других билингв, а в данном случае выступающему с префиксами *ta-* и *zi-* и падежным показателем *-du*, ср. *ka-iyah-du* 'с неба' в билингве о Боге Луны, упавшем с неба²⁵; *kašbaru-yaḥ* 'лучезарный' в качестве хаттского эквивалента хетт. *lalukkima-* 'светозарный' по отношению к божеству Солнца²⁶ в контексте, близком к разбираемому. Конструкция *šer kariyari* в хеттском означает 'покрыт(а) сверху' (медиопассив); производное *kariyašḥa-* в контексте, где речь идет о попытке богини Иштар соблазнить чудовище Улликумми²⁷, может иметь значение 'покрытие, одежда'; слово употреблено и в молитве KUB XIV 7 IV 5, 7, обращенной к той самой Солнечной богине Арине²⁸ (хатт. *Wu-*

²⁵ Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 227, там же см. об этимологии.

²⁶ Иванов В. В. К архаичным формулам в хеттских гимнах. — АО 1978, в. 46, № I, с. 71.

²⁷ Otten H. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950, S. 21—22, Anm. 2.

²⁸ Иванов В. В. Вурусему. — В кн.: Мифы народов мира, т. I. М., 1980.

gišemu) которая описывается и в разбираемом месте хаттско-хеттской билингвы. Шумерограмма TUG 'одежда' в сочетании с этой глагольной формой соответствует хатт. *ta-zuḥ-asti*, где префикс *ta-* аналогичен первому префиксу в хатт. *ta-zi-yaḥ-du*, а основа *zuḥ-* в значении 'одежда' известна из строительного ритуала KUB II 2+, где она имеет то же шумерское соответствие (TUG.ŠA 'одежды'). Возможные соответствия можно было бы видеть в праадыг. *š^hake 'платье, одежда', адыгейск. *цыгъын* 'одежда' (но ср. так же убух. *žā-γ-* 'одеться'), о.-вост.-кавк.- *šoqqaḥV 'одежда'. При наличии нескольких параллельных начальных фонем в словах этой семантики (возможно и несводимых друг к другу) в северо-западно-кавказском точный выбор одного из них затрудняется многозначностью возможных интерпретаций хатт. *z-* в анлауте, хотя наиболее вероятно соответствие хатт. *zuḥ:* адыгейск. *цыгъын*.

7. Хатт. *ḥawit* 'быть как яблоня'. Другой хаттско-хеттской билингвой, данные которой ранее недостаточно использовались из-за неясности значений хеттских слов, является текст KUB XXVIII I Rs. IV (где хаттская и хеттские части, соответствующие друг другу, чередуются небольшими группами фраз в отличие от разбиравшейся выше билингвы, в которой каждой хаттской строке слева соответствует хеттская справа). Особый интерес представляет глагольная форма хатт. *ta-a-ḥa-a-ū-e-it* (последний знак по графическим причинам размещен в конце строки вертикально, а не горизонтально), переводимая хетт. *na-aš ša-am-ma-al-li-ya-zi* 'и он становится как яблоня, приносящая яблоки' (IV 35—37). Это значение в ритуале магии уподобления можно предположить благодаря выявлению связи данной глагольной формы с именной *šamalluwa-nt-*²⁹, для которой достоверно установлено значение 'яблоко'³⁰. Эта интерпретация подтверждается соответствием хатт. *ḥa-a-ū-it-pa* (в дубликате В параллельная форма *a-an-ḥa-ū-[i]t-pa*), хетт. *ša-am-ma-al-eš-zi-ma-aš* 'делается яблоне подобным же он' в строках IV 25—26 того же текста, где в хеттской части стоит идеограмма ḤAŠUR 'яблоня, яблоко' непосредственно за приведенной формулой, включающей глагольную форму *šamaleszi* 'он делается подобным яблоне' от основы *šamal-*, общей с глаголом *šamaliyazi* 'становится как яблоко' и с самим названием яблока *šamluwa-nt-*, где таким образом в самом хеттском языке удастся выделить суффикс, в чем состоит исключительное значение излагаемых фактов для этимологии индоевропейского названия яблока. Что же касается хатт. *-ḥawit* (с грамматическим показателем объекта *a-* и превербом *-n-* в форме *a-n-ḥawit*), *ta-ḥawit* (с префиксом *ta-*, ср. выше об этом префиксе в других формах), их семантическая интерпретация как 'быть подобным яблоне, приносящей

²⁹ Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, Bd. 64). Nürnberg, 1979, S. 245 (значение не указано, намечена только связь форм).

³⁰ Иванов В. В. Разыскания в области анатолийского языкознания. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 160—161.

яблоку¹ может быть поддержана и вычленением префикса *-ħa-* (ср. обычное *-ħa-* как именной и глагольный префикс), благодаря чему *-ħa-wit* оказывается сопоставимым с хатт. *[š]ä-a-wa-at(-ma)* 'яблоня', соответствующим идеограмме **ḤAŠḤUR** в билингве KUB XXVIII 6 Vs. 10a-b; обломки того же слова можно предположить в хатт. *-ti-i*, соответствующем хетт. ^{GIS}ḤAŠḤUR в поврежденной билингве KUB XXVIII Vs. 2a-b, где следующая хеттская строка 3b содержит форму ^{GIS}ša-ma-lu-ú-[wa] 'яблоко, яблоня', тогда как остаток последнего знака *-ħu* хаттской строки 3a позволяет только предполагать возможность наличия суффиксального показателя, присоединенного к хаттской основе *-wat-/wit-* 'яблоко, яблоня', 'быть подобным яблоку'; вероятно сопоставление с такими формами, восходящими к общедагестанскому, как авар. *weč* 'яблоко', лакск. *hiwč*, табас. *weč*, хиналуг. *teč*³¹, но при этом возможно, что сопоставление с хаттским потребует внесения исправлений в предлагавшиеся ранее реконструкции.

8. Хатт. *wašħab-ma* 'богами'. Хаттский текст ритуала KUB II. 2+ начинается фразой, позволяющей определить его мифологический фон; *wa_a-aš-ħa-ab-ma eš-wu_u-ur aš-ka-aḫ-ħi-ir šu-ú-wa_a*. Согласно хеттскому переводу фраза означает: **DINGIRMES KURMES ma-ni-ya-aḫ-ħi-ir. da-a-ir-ma-ab** 'Боги страны роздали для управления, и это (или эти) они установили'. Первая конструкция содержит хаттское название бога в форме с классным показателем *wa-* (писавшимся посредством особого знака «полуалфавитного» типа³², встречающегося только в хаттских и хурритских, но не в хеттских текстах богазкёйского архива и означающего скорее всего спирант типа /v/). Этот показатель мог, как и в ряде восточно-кавказских языков, означать ед. ч. I класса и мн. ч. того же класса. В данной фразе согласно хеттскому переводу его надо понимать во второй функции. Наличие соответствия хатт. *wašħab* в абхазо-адыгских языках (адыгейск. *уашхъо* 'небесный свод', абард. *уашхъуэ* 'вышина неба, небесная синева', убых. *wašħ^oa* 'гром и молния, бог', в том числе в архаических заклятиях, находящихся параллель и в абхазо-абазинском: абхаз. *Уашхо* и т. п.) обратило на себя внимание еще на первых порах изучения хаттского языка и тем не менее было позднее отвергнуто по существу только из-за наличия народной этимологии у соответствующего адыгейского слова³³ (ср. *уашъор шхъуантIэ* 'небо голубое', но

³¹ Гигинейшвили В. К. Указ. соч., с. 72, 91.

³² Знак представляет собой сочетание обозначения (непосредственно предшествующего и по форме, и по функции соответствующей «букве» угаритского клинописного алфавита) с последующим проясняющим знаком для гласного *i*.

³³ Камменхубер А. Хаттский язык. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 36 (там же история вопроса изучения связей хаттского с северо-западно-кавказским). — За той гиперкритической точкой зрения, которую вслед за Деетерсом принимала А. Камменхубер, последовали Г. А. Климов и А. К. Шагиров (в его этимологическом словаре адыгских языков, там же см. библиографию спорных этимологий адыгских слов, которая здесь опущена для экономии места).

это прилагательное в адыгском означало 'зеленый, серый': *шхъонтлагъ* 'зеленый, серый', *шхъонтлашъу* 'зеленоватый, сероватый', кабард. *шхъуэ* 'серый, стальной', *шхъуантлэ* 'зеленый'). Наличие префикса *wa-* в хаттском слове не только не противоречит хаттской этимологии, а позволяет ее поддержать, т. к. дает возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских названий 'неба', 'бога' и хатт. *wa-šhab/w* с праадыгским **šx^oa* 'волшебство'³⁴ (адыгейск. *ушъухъаныгъ* 'волшебство, колдовство', *ушъухъэ* 'волшебный', кабард. *ушъухъан* 'колдовать', *шхъо епхъын* 'отравить', кабард. *шхъуэ* 'отрава, яд', ср. убых. (из адыгейск. ³⁵) *šx^oawé* 'колдовство', *šx^oax-* 'околдовывать': *asš^oáxən* 'я его околдовываю'). Хатт. *-ab/w-* может соответствовать убых. *-aw-* и лабиализации в праадыгском. Восстанавливаемое на основе этих соответствий абхаз.-адыг. **šx-*³⁶ сопоставимо с хатт. *eš-tan* 'Бог солнечного неба' (сложное слово?) и с вост.-кавказ. *(*h*)*Vs-* (цезск., хварш., гинух. *as* 'туча, туман, дождь, небо', бежт., гунзиб. *has*, хурр. *eše*, урарт. *ešá* 'небо'³⁷) и кетск. *eš* 'небо, бог' (котт. *éš* 'небо, бог'), *éšxai* 'облако' (объяснение из сложения с названием горного хребта является народной этимологией). Значение последнего енисейского слова заставляет допустить и древность ст.-адыгейск. *схые* 'град', *вубише* 'дождь',³⁸ адыгейск. *оцхы* 'дождь', кабард. *уэ-шх* 'дождь', убых. *-š'χ* в *t^oá-š'χ* 'град', где в первой части возможно соответствие хатт. *tu-mil/n* 'град' (деление предполагается на основе этой этимологии и наличия морфы *-mil-* в имени бога грозы *Haša-mil-*).

Название *wa-šhab* 'боги' засвидетельствовано в нескольких падежных формах, в частности, в форме *ha-wa-šhaw-i* 'среди богов' (ср. о *ha-* выше: *ha-wit*) в текстах, обозначающих наименование на языке богов (хетт. DINGIR^{MES} *-naš ištarna*, ср. точное типологическое соответствие в айн. *каму-амма* 'среди богов' в контексте, где речь идет о языке богов). В разбираемом хаттском тексте строительного обряда использована форма *wa-šhab-ta*, играющая роль эргатива, непосредственно сопоставимого с адыгским эргативом на *-m* в сочетаниях типа адыгейск. *тхъэм ылуагъэр* 'бог сказал' (= 'богом сказано')³⁹. Однако нельзя исключить того, что адыгский эргатив на *-m*⁴⁰ и хаттские формы на *-ta* не исходно

³⁴ Kuipers A. H. A dictionary of Proto-Circassian roots. Lisse, Netherlands, The Peter de Ridder Press, 1975, № 76.

³⁵ Dumézil G. Op. cit., p. 244.

³⁶ К соответствиям и реконструкции здесь и далее см.: Старостин С. А. Указ. соч., с. 96—101.

³⁷ Дьяконов И. М. Указ. соч., с 31 (соответствие 10).

³⁸ Любе Л. Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846, с. 47 (помета ст.-адыгейск. в тексте далее отсылает к этому источнику).

³⁹ Якозлев Н. Ф., Ашхамар Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М. — Л., 1951, с. 452.

⁴⁰ Грузинский повествовательный падеж на *-ta*, охарактеризованный еще Ф. Мюллером как «определенный номинатив» (ср. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980, с. 101 и след.), может восходить к ностратическому показателю определенности **-m(a)*, в части западно-ностратических языков (в частности, в семитском),

родственны друг другу именно как падежные, а возникли в результате параллельного развития однотипных сочетаний с постпозитивным указательным местоимением типа кабард. *мы/o*, адыгейск. *мы*.

Наличие такого указательного местоимения в хаттском доказывается билингвой-заклятием, в которой хатт. *[i]-ma-le-n zar-du* переведено хетт. *kel UDU-un ZI-ŠU*⁴¹ '(этой овцы) мясо'. В этом сочетании хатт. *le* 'мясо' (с окончанием объекта *-n*, ср. убых *-n* и следы падежа на *-n* в абхазо-абазинском и падеж на *-n* в восточно-кавказском) соответствует адыгейск. *мы* 'мясо', кабард. *мы* (сван. *le/aγw-* 'мясо' — древнее заимствование из производной основы типа адыгейск. *мыгъо* в *мыгъо-мыбжь* 'мясные блюда', *мыгъ-эбугъ* 'сушеное мясо', кабард. *мыгъэгъуа*, ср. также чечен. *лахъа* 'мясозаготовки', *лахъа-нан* 'мясной' и т. п.), убых. *γ'a*, абхаз. *жэы* (при латеральном геминированном абруптивном аффрикативном и префиксе *г-* в дагестанском: авар. диал. *ри-млъи*, андийск. *рикъи*, цезск. *релI*, лакск. *дикI*, лезг. *йак*, удин. *экъ*, хиналуг. *лыкк*). Хатт. *zar-* 'овца' (с суффиксом род. пад. *-du*, ср. выше *o-yah-du*, параллели обнаруживаются в восточно-кавказском, енисейском и других родственных языках) принадлежит к группе слов, имеющих наиболее четкие соответствия в нахском: чечен. *уьстагI(ий)* 'овца' (при согласовании по III классу: *уьстаг бахара* 'овца пошла') фонетически соотносится с хатт. *zar-* 'овца' с префиксом III класса *wa_a wa_a-za-ri-el*⁴² и абхаз. *(a-)yasa* 'овца' (ср. отражение древнего классного показателя в абхаз. *у-* в *Уайхо* согласно изложенному выше) точно так же, как чечен. *стаг* 'человек' (согласование по I классу: *стаг вахара* 'человек пошел', *в-оккха стаг* 'большой — старый человек') — с хатт. *zari* 'человек, люди' с префиксом (ед. и мн. ч.) I класса *wa_a-zari* (ср., в частности, *wa_a-zari-un* 'челозачества' в том же контексте, что и *wa_a-šhaw-un* 'богов'), ср. арчин. *bo-šor* 'мужи' (I класс). Выделение классного показателя **b-* в дагестанском названии 'овцы', сопоставимом с хатт. *wa_a-zar*, допу-

получившем именно значение определенного падежа (в том числе именительного: семит. **-um*, и.е. им.-вин. п. ср. р. **-om*): Иванов В. В. Сравнительно-исторический анализ категории определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропейстики и нстрагитики. — В кн.: Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 11—18. В этом случае прямой связи с северо-западно-кавказскими и хаттскими формами ожидать нельзя. Сван. *-et* как падежный показатель, аналогичный груз. *-ma(n)*, может либо иметь общее с ним происхождение (и в таком случае возводится к той же ностратической прайформе, ср. сван. *ežn-et* 'он' и груз. диал. *e-ma-* при монг. *i-ma-du* 'ему' и *-m-* в косвенных падежах индоевропейских местоимений), либо быть одним из ранних результатов свано-абхазо-адыгского языкового контакта (не исключено и то, что унаследованно из **-m* в сванском могло видоизмениться под влиянием сходной функции адыг. **-m*).

⁴¹ *Laroche E.* Une conjuration bilingue hattit-hittite. — *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*, 1950, Bd. I, H. 2, p. 175.

⁴² *Камменхубер А.* Указ. соч., с. 59, 84.

скал еще Н. С. Трубецкой: «an Plur. *ruçi* (wo -r das Klassenelement der «Genus plurale» ist) «Schafe» ∞ bag. *beçur*, tindi *boçar*, čam. *boçaldā* (wo b- das Klasselement des «Genus singulare neutrum» ist) «Schaf»⁴³. Сходство начального и конечного элементов лезг., хиналуг. *вукъар*, агул. *укъар*, крыз. *викъер*, будух. *викъер* 'овца' с разбираемыми словами представляется весьма вероятным. Для восстановления исходного фонетического облика слова значительный интерес может представлять древнее армянское заимствование *woçxar* овца (где анлаут указывает на связь с северокавказским) при груз. *сxwar*, мегрел. *šxur*, чан. (*m*)*čxur*, *mškur*- (разнообразии рефлексов может говорить о заимствовании).

Сочетание *ma-le-* в приведенной билингве тождественно адыгейск. *мд лы-р* 'вот то мясо', *мы лы-р* 'это мясо'⁴⁴. Указательное местоимение *мы/о-* в адыгском имеет соответствия в восточнокавказском и хурритском (*ma* 'ille' по Ларошу)⁴⁵. При положении этого элемента в постпозиции образуется (как в адыгском и хаттском, так и в восточнокавказском) эргатив. В качестве типологической параллели можно напомнить давно намеченную Шухардом⁴⁶ интерпретацию индоевропейского «эргативного» («активного») падежа на *-s (позднее ставшего именительным падежом единственного числа и родительным падежом в тематическом типе *-o-). Еще Шухардт обратил внимание на то, что активный падеж указывает на нечто новое (в том же смысле, в каком о «новом» — реме говорят в лингвистике текста и в теории актуального членения) и поэтому может иметь при себе местоимение (тип *Der Väterer ruft*). Соответственно индоевропейский активный падеж на *-o-s может быть возведен к указательному местоимению *-s(o), хеттское -aš. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с северо-западнокавказским, где эргативный падеж на *m в адыгском (как и родственные формы эргатива на -m в восточнокавказском) бесспорно восходят к сочетанию основы с постпозитивным указательным местоимением *mə/*ma. В настоящее время это представляется возможным благодаря сравнению современных адыгских языков с родственным им хатти, где представлены и формы с постпозитивным -ma после имени в функции эргатива: *μα_a-aš-ħa-ab-ma* 'seitens der Götter' «tritt in

⁴³ *Trubetzkoy N.* Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. — *Caucasica*, 1926, fasc. 3, S. 21.

⁴⁴ Ср. об ударении: *Яковлев Н. Ф.*, *Ашхамаф Д.* Указ. соч., с. 290.

⁴⁵ Фонетически сходный элемент есть и в картвельском, но он может иметь ностратическую этимологию: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков Сравнительный словарь (I — §). М., 1976, с. 70. В конечном счете именно местоименные элементы могут иметь наибольшую древность, допускающую сравнение праязыков макросемей, типа ностратической и северокавказской, но этот глоттогонический аспект в настоящее время предпозитивно еще не рассматривать до завершения предварительной работы над реконструкцией отдельных праязыков.

⁴⁶ *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 252.

die Rolle eines Agens»⁴⁷, и формы с препозитивным указательным местоимением типа *(i)-ma-al-li-en* 'ему, для него (*i-*, северо-западно-кавказский префикс объекта) это мясо'. Если в адыгском и хаттском новое (рема) выражено не препозицией **m-* в эргативной конструкции, а глаголом (без локальных превербов), то обычна конструкция с препозитивным *m(e)-* (явно того же местоименного происхождения⁴⁸): зап.-черкес. *s'əzər me-tħač'e* 'женщина моет', хатт. *titaħ-zilat ma-zilat*⁴⁹ 'Великий престол (хатт. *zilat*, ср. этр. *zilað*) стоит'. Типологическое сопоставление с такими северо-западнокавказскими (и родственными хаттскими) конструкциями позволяет считать, что индоевропейские конструкции типа *so + глагол (безударный) были их типологическим аналогом в такой же мере, как и конструкции с эргативом на *-s* в индоевропейском были типологической параллелью адыгским и хаттским эргативным конструкциям.

Иначе говоря, с точки зрения соотношения темы и ремы (данного и нового) положение указательного местоименного элемента можно описать следующим образом. Если выделяется в качестве нового эргативная конструкция имени, то за именем следует (диахронически) указательное местоимение: *wašħab-ma*; позднее из такой конструкции возникает эргативный падеж. Не представляется возможным определить в точности, были ли хаттские формы на *-ma* (особенно часто встречающиеся в текстах без хеттских переводов, где интерпретация затруднена) уже падежными формами (как адыгские) или еще сочетаниями с постпозитивным местоименным элементом. Косвенным аргументом в пользу первого истолкования можно было бы считать эргативообразное использование форм на **-nt-* в хеттском, в чем можно было бы видеть след древнего хаттского субстрата. Если в качестве нового — ремы в неэргативной конструкции выделяется не имя, а глагол, то ему предшествует тот же местоименный элемент: адыгейск. *ma-əǰə* 'кричит' (вторичность залоговых употреблений этого префикса была предположена еще Н. Ф. Яковлевым).

С эргативной конструкцией в данном хаттском предложении связана глагольная форма *aš-ka-aħ-ħi-ir*. Гипотеза о соотношении хаттского именно с (прото)адыгским, соответствующая приведенным соображениям об эргативе (и возможно объясняемая не столько специальными диалектными связями адыгского с хаттским, сколько архаичностью обеих этих ветвей северо-западно-кавказ-

⁴⁷ Schuster H.-S. Die hattisch-hethitische Bilinguen, т. I. Leiden, 1974; S. 106, § 1, 4, 732; к сожалению, автор не обратил внимания на роль *-ma* в этой конструкции.

⁴⁸ Dumézil G. Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives (Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, nouvelle série, t. I). Paris, 1975.

⁴⁹ Текст согласно копии разбираемого ритуала (Шустером не учтенной) КВо XIX 162 (936/Z)Vs. 5—6 *te-et-taħ-zi-la-at/ma-zi-la-a-at*, реконструкция согласно Haas V. Пер. на кн.: Schuster H.-S. Die hattisch-hethitischen Bilinguen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. 68, Wien, 1976, S. 206;

ского, ср. приведенные выше формы с сохранением латеральности начального хатт. *le-*, адыгейск. *лы-* 'мясо' и т. п.), позволяет предположить, что хатт. *-hhi-* (при обычном для хетт. и хатт. графики употреблении *-i-* для гласного переднего ряда типа [e] закрытого) функционально соответствует адыгейск. *-xə-* как суффиксальному показателю мн. ч. объекта 3 л. в глаголе. В таком случае и конечное *-r* легко было бы интерпретировать по аналогии с адыгскими формами, имеющими этот конечный суффикс. Корнем следует признать *-ka-*, имеющее точное соответствие в убых. *-qa-* 'давать' при мн. ч. объекта. Начальное *-a-* в *a-š-ka-hhi-r* следует, судя по роли начального *a-* в абхазо-адыгских глагольных формах, признать возможным показателем объекта (тогда отличие от современного адыгского состояло бы в одновременном выражении объекта в префиксе *-a-* и числа объекта в суффиксе *-hi-*). Наиболее спорной остается интерпретация *-š-* в этой форме. Судя по другим хаттским формам, соотношение с глагольными корнями, предполагавшее бы сочетание корней или деривационных морфем (ср. убых. *š'* 'делить' с последующим *-qa-* как суффиксом и т. п.) не кажется вероятным. Очень гадательно можно было бы предположить на основании функции **s-* как префикса 1 л. ед. ч. в абхазо-адыгском отнесение *š-* к 1 л. (царя), что соответствовало бы текстам хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1 л. (ср. 1 л. мн. ч. в хеттском пересказе аналогичной хаттской глагольной формы).

Представляется вероятным, что *-s-* в *a-š-ka-hhi-r* должно быть соотнесено с *(e)š-* в объекте *eš-wur* в анализируемой эргативной конструкции. В хаттском основой существительного является *-wur* 'страна, земля', соотносимое с хурр. *ḫaw(u)ri* 'земля'⁵⁰ и, повидимому, восходящее к обще-«северо»-кавказскому⁵¹ лексическому слову в хаттском и хурритском. Однако остается не вполне ясным, насколько этот термин сохранился в современных западно-кавказских языках (фонетически сравнение с протоадыгским **zak'o* 'страна, область' остается весьма проблематичным, т. к. неясна судьба **-k'o-* при хатт. *-w-*), как и в языках восточно-кавказских (ср., однако, арчин. *xIor* 'селение' при соответствиях со значениями 'село, поле' в дагестанских).

⁵⁰ Haas V. Op. cit. S. 203.

⁵¹ Условность термина «северо»-кавказский применительно к хаттскому (распространенному в III тыс. до н. э. в северной части Малой Азии) и хурритскому, уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (если не много ранее) взаимодействовавшему с лувийским на юго-востоке и юго-западе Малой Азии, а также и применительно к этрусскому (см. выше) представляется очевидной, тем более, что еще Услар предположил южный путь миграции носителей абхазо-адыгских языков (согласующийся и с бытующими у них до сих пор преданиями).